

Украинский церковный съезд в Луцке.

Д-р Рыбинский умёт говорить. Талантливый оратор умеющим приемами захватывающей толпу ове, пользуется у масс определенным успехом. В Польше имется 3.000.000 православных, — начиная докладчиком, по данному польской прессе, которую одна может заподозрить в тенденции к превозношению. Из них 47% украинцев, 2% русских, 1% других национальностей — остальные белоруссы. Но белоруссов при ближайшем рассмотрении оказывается значительно меньше.

На 1.300 приходов православной церкви в Польше — 1.000 приходов слишком приходится на долю приходов ст. украинским приходам. Таким образом, украинцы имают 70% приходов. Немногое еще члены показывают польскую статистику имются русских приходов — их 1%. Итого — количество белорусских приходов свидетельствует о неправильных данных польской печати. И вот несмотря на то, что 70% православной «автокефальной» церкви в Польше состоят из украинцев, на верхах сидят москвичи и черносотенцы. Официально православная церковь в Польше автокефальная, а фактически мы имеем «отца российского патриарха» в лице Антония, пребывающего в эмиграции, от него, от Сремских Карловиц фактически зависят парижская митрополия.

Это ненормальное положение, когда на шею православного украинского народа сидят русские, чужой, присланный элемент канапини, — отмечены даже польские газеты. (Докладчик цитирует винченское «Слово» и друг.). Митрополит и его сподвижники все более и более уклоняются от православия, приближаются к патриарху. Епископы Симон и Антоний поддерживают русскую эмиграцию. Им украинцы должны быть благодарны за начатый поход против всего украинского, предпринятый митрополитом. Всё параби вьших своих настырей — агентуры Р. Н. О. — политическая борьба ведется Ближним Р. Н. О. охраняется и поддерживается полицией. Пока Р. Н. О. не было, церковь была беспартийна. Но с ее возникновением митрополия почувствовала почву под ногами.

Платные агенты русского народа обединены провоцировали на львовском съезде украинский народ. Митрополия имеет их сладких. Вперед этого быть не должно. Дело церковного возрождения есть дело национального пробуждения украинского народа. Украинский народ вьших своих представителей не может беззаступно относиться к судьбе православной церкви в польской республике. Это его судьба, его будущность.

Для борьбы с москаличами-врагами необходимо создать всеукраинский церковный комитет, который взять бы на себя роль верховной обединяющей все украинские приходы организации. Он должен быть

организован по территориальному принципу. Каждый уезд должен дать трех представителей. Комитет должен быть наделен неограниченными полномочиями, чтобы иметь возможность вести переговоры со судьбой православной украинской церкви с варшавской митрополией. Мы твердо должны высказать митрополиту свою волю и указать, что предупреждаем его, что поступки варшавской митрополии толкают нас на путь открытых разрывов.

Крестьянин, Каминский предлагает, чтобы избранный церковный комитет принял на себя функции митрополии и епископата. «Мы не потребуем или митрополита или его приrostей» — отмечает оратор.

Рыбинский указывает, что предложение крестьянин Каминский некаконечно. Здесь съезд православных украинцев, ищущих канонических допустимых путей. Депутат Хруцкий, поддерживающий крестьянину Каминского, характеризует владыку митрополитом и высокую церковную власть в Польше, как неканоническую и неправославную. Дюнекий давно стал игрушкой в руках Р. Н. О. — он запретил ему исполнить наши просьбы. Наша ступка окажется направляемая, наше не откроются двери. Разрывы неминуемы..

Крестьянин Каминский: Оставим канонов в сторону! Разрываем с митрополитом и его приrostями! (Общий шум). Оваций Каминскому. — Разрываем! Разрываем! Долой митрополию! Разрываем!

Крестьянин — оратор отмечает деятельность варшавского синода и характеризует как провокаторскую.

Другой оратор отмечает, что Рыбинский «красиво балья» о кацапе, но не менее красноречиво умолчал о положении «стоти бик гребли» — за Бугом. Тамъ полноця въ помпомъ ходу.

Депутат Хруцкий: — Его эксцепленция Дюнекий Великобританский. Рада старается Ваше превосходительство. Все равно не услышать наше. По моему единственнымъ выходомъ — разрывъ.

Шумъ. Разрываем! (аплодисменты, овация Хруцкому).

Д-р Рыбинский: Я повторю, я не могу допустить выступов против православия. Св. каноны гласят ясно...:

Д-р Хруцкий (перебирая): — А если «св. отец» все таки поспешил на къщту? Д-р Рыбинский: Тогда мы соберемъ второй собор. Таки вещи нельзѧ дѣлать сразу..

Принимается резолюция, которую нельзя разобрать, такъ какъ делегаты шумно покидаютъ залъ. Смысли разрознены — вся власть церковному комитету, которому вручается полномочия для переговоровъ съ высшей церковной властью въ Польше.

Во время перерыва корреспонденты «Руля» и «Вильнского Слова» въ знакъ протеста против выступовъ против православной церкви, митрополии и русского народа покидаютъ съездъ.

Слова Троцкаго о томъ, что сталинская диктатура есть опаснейший разрывъ, приводятъ большую популярность. Нынешняя пресса все определяется становиться на эту же точку зрения. Такъ «DAZ» въ весьма обстоятельной статьѣ указываетъ, что самъ большевизмъ совершилъ опасное покушение на советский режимъ, казнивъ безумно двадцать русскихъ.

Газета не склоняется на весьма рѣзкіе эпитеты этой «политики», называя ее трусливой, лакостной, бесмысленно жестокой и т. д. Но главное, газета подчеркиваетъ, что советская власть обнажила свою беспредельную слабость.

Трудно себѣ представить болѣе жалкую беспомощность, чѣмъ эту сплющенную мѣньшинствъ людьми.

Вѣдь никто не подозревалъ заграницей, говорить даѣте газета, что советская власть склоняется внутреннимъ врагамъ.

Ходили слухи, но они казались преувеличенными и не заслуживающими довѣры.

Чехословакия печать о казни двадцати въ Москве.

(Письмо изъ Праги).

Значительная часть чехословакской печати сразу же нашла подходящий терминъ для террористической выступленіи советской чрезвычайки — убийстваю 20 заключенныхъ въ советскихъ тюрьмахъ антибольшевиковъ. Рядъ чехословакскихъ газет называетъ это убийство «преступлениемъ московского террористического правительства». Органъ крупнейшей чехословакской землемѣрческой партии «Вечерь» посыпаетъ этому преступлению большую статью, въ которой говорить, что советская власть не только совершила «пояса» имъ при посредствѣ своего официального агентства.

Мотивы убийства 20 антибольшевиковъ тѣль циничны, что вслѣду, у всѣхъ цивилизованныхъ людей, они вызываютъ возмущеніе, отвращеніе и негодование!

Дальѣ «Вечерь» осуждаетъ преступление большевиковъ съ необычайной рѣзкостью. Газета говоритъ, что это преступление вызвало отвращеніе, но не поразило. Землемѣрческая газета выражаетъ удивленіе тому, что чехословакская соціалистическая печать какъ то обходитъ оѣнькъ возможительного насилия совершенного большевиками: «Чешское Слово» и «Национальное Освобожденіе», — говорить «Вечерь» — молчать, а коммунистическое «Рудо Право» торжествуетъ надъ «справедливой казнью».

«Если бы у насъ — продолжаетъ дальѣ «Вечерь» за таинъ «ужасныхъ преступлений» расстрѣливали большевистскихъ агентовъ, которые прѣѣхали въ страну по приказу наѣзда за границы», — то Вильна (рѣка въ

Печать.

Теперь же советская власть открыто признала, что всѣ эти слухи совершенно правильны и выѣтъ того, чтобы принять разумныя мѣры, она разразилась терроромъ,

который представляетъ опаснейший ударъ для режима, покушеніе на политический здоровъ смысла.

Не сомнѣвается газета также въ томъ, что эти зѣбрскіе мѣры приведутъ къ противоположнымъ результатамъ.

Удручающее впечатлѣніе отъ этихъ массовыхъ казней только увеличивать число тѣхъ людей, которые способны на любое преступленіе.

Такое же впечатлѣніе произвѣла на берлинскую прессу и вторая наглая нога Литвинова, обращенная къ Польшѣ. «Vossische Zeitung» утверждаетъ, что эта нога продигована внутренними соображеніями, толкающими советскую власть на такую политику, которая отнюдь не можетъ быть названа разумной.

Прага) должна бы покраснѣть отъ крови большевиковъ разстрѣльанныхъ по московскому рецепту!

Вѣдь, многочисленные процессы съ большевиками, обвиняемыми въ шпионажѣ доказали памѣнійскую дѣятельность большевиковъ и ихъ работу противъ чехословакского государственности.

Официозная «Чехословакская Республика» въ передовой статьѣ «Убийства въ Москве» говоритъ, что большевики въ Советскомъ союзе возвращаются къ террору. Советская власть возвращающаяся къ своимъ истокамъ. Правительство государства, въ которомъ царитъ порядокъ никогда не позволитъ себѣ применять такія мѣры устрашения. Это — всегда признакъ слабости, признакъ боязни передъ тѣмъ-го.

Совѣтское правительство опирается на штыкѣ, но штыкѣ можно дѣлать все что угодно, — на нихъ только нельзя сидѣть».

Органъ клирикаловъ «Лиды» Листы, озаглавивъ сообщеніе о возобновленіи террора въ Сов. Россїи такъ: — «Новый кровавый танецъ варваровъ въ Сов. Россїи» «Палаты работаютъ», говорить дальѣ этого органъ одной изъ наибольѣ вѣроятныхъ чехословакскихъ политическихъ партий, — «по совѣтскому образцу мы должны были бы казнить всѣхъ коммунистическихъ лидеровъ! Миръ снова видитъ азиатскихъ преступниковъ въ ихъ истинномъ видѣ.

Органъ К. П. Крамарика «Народнія Листы» называетъ террористический актъ большевиковъ «Массовыми убийствами невинныхъ людей». «Стерпитъ ли культурный миръ большевистскому варварству? — задаетъ вопросъ чешская газета,

Прага, 11 июня 1927 г. Sp.

РОДИНА.

Стихотвореніе В. Сиринъ.

и горды музы Россїи
незримо сопутствуютъ намъ.

Спасибо драмечуemu шуму,
лѣсамъ на равнинахъ ропныхъ,
за ими вѣнчанную думу,
за каждую шѣсъ о нихъ.

Ныть думъ на чужбинѣ слuchайной,
гдѣ миражъ изгнаника сонъ,
какъ юбромъ, какъ моремъ, какъ тайнѣ,
Россїей всегда окружаетъ.

какъ рвать собакъ бѣшена собака. Юморъ мимо сопровождаетъ автора по его жизненному пути, по этому литературному ландшафту; вотъ, хотя бы, сочиненіе гимназистки на тему о дружбѣ между товарищами: «При разлуѣ друзья обыкновено умираютъ или сходить съ ума. Это случается между друзьями молодыми, и притомъ разного пола. Это называется увлеченіе. Если онъ долго не проходитъ, то называется любовью. Конецъ... Незабываемъ образъ священника Свободина, у которого въ одну зиму умерла жена и сынъ, а весной утонула младшая дочь. «Да при этомъ таинъ путаницы вышла — нехорошо: за суматохой не разобрать, кто утонулъ — купались-то двѣ батюшкины дочери, и какъ ползли въ рѣку искать, побѣжалъ кто-то къ батюшкѣ и сказалъ, что утонула старшая, Катя... А на немногомъ погоды приходитъ Катя домой, правда, одѣтъ странно: въ одной рубашкѣ и въ шапкѣ, но она это уже не посмотрѣть, очнь обрадовалась, словно изъ мертвыхъ воскрес, подумалъ, никто не утонулъ — слушали, а тутъ младшую выловили и несутъ въ домъ уже мертвую. Она была на похоронахъ, видѣла, обѣ, какъ страшно: идти батюшку не могъ, а ползъ на четверенькахъ за гробомъ и въю дорогу отъ дома до церкви и потому отъ церкви до самого кладбища — таихъ ползкомъ». Или вотъ какое средство придумала бѣзъвочка Оля, чѣмъ ей смерть отвратить: «она будетъ бѣгать, хотѣть и заботѣтъ, все равно будетъ бѣгать — смерть и не вѣзть ее, умирать вѣдь всегда лежа». А ужъ курсантка Оля, до революціи, все думала, могутъ ли ее арестовать подъ Пасху, и рѣшила: «конечно, не могутъ арестовать, потому что Христосъ воскрес въ про это всеѣ знаютъ... Трогательны строки о самоубийствѣ студента Карапузова —

любовь нихъ сына, заброшенаго на чужбину. Прекраснѣйшъ говорить обѣ этомъ слова: «Благословенна ты, моя родина, что на твоей землѣ послѣ долгой зимы идти въеси и свѣтить солнце такою силыною и яркою, — кажется, иѣтъ его сильнѣй и ярче и въ самой Африкѣ, где роются черные арапы. И на этотъ разъ, вѣрно, ты не обманула, и чѣмъ мѣя пришелъ, — вонъ вся земля съ полемъ, лѣсомъ и рѣкой и то море за полемъ, лѣсомъ и рѣкой — обѣтованное, откуда, играя, восходитъ солнце, загорѣясь радостными утромъ, золотистыми зѣздами росой, и поднялся на землю вѣшний шумъ — сама весенняя пѣла земля, ея каждая травка, каждый полевыи цвѣтъ».

Революція заслонила землю, какъ слѣдствіе заслоняетъ причину. Отъ времени все-таки возвращаются русскіе писатели къ этой трагической первоосновѣ зѣбръ нашихъ дальнѣйшихъ зѣздъ. О нихъ говорить и романъ Михаила Слонимскаго «Лавровы», появившись въ Москвѣ. Собственно, романъ это произведеніе называется авторъ напрасно: иѣтъ для этого необходимыхъ признаковъ и должной органичности. Скорѣе, передъ нами рядъ эпизодовъ, соединенныхъ между собою вѣнчаніемъ и расположеннымъ вокругъ блографіи юноши Бориса Лаврова, продѣльшаго міровую войну, февраль и октябрь. Эпизоды эти, по крайней мѣре — иные изъ нихъ, рассказы не слишкомъ художественно и глубоко, и не смотря на всю яркость событий, которыхъ произошли съ героями и благодаря ему, самъ онъ остается бѣдѣнъ. Большина выразительностью не замѣтимы страницы «Лавровыхъ», и есть тѣ лишь очень неубѣдительныя и недоказанные сцены и фигуры; парижированъ и карикатуренъ особенность образа матери Лавровой, суетливой, смѣшной, неправдоподобно грубою въ обра-

Литературный замѣтки.

«Оле» — такъ называется только что вышедшее въ Париже произведеніе Алексея Ремизова. Судьба герояни, ея биографія, прослѣдженная отъ ютскіхъ и до ютскіхъ лѣтъ, своею яркой пѣнѣ, чисто ремизовской вѣзъ, тянется черезъ годы, таинственное изъшеніе, изъшеніе, которое выпадаетъ изъ памяти, но отъ этого николько не запутнѣаетъ, ловко и ладно сводящая концы съ концами, образующая собою како-то словесный коралловый полинъ. И такихъ цвѣтей слога, такихъ прістроевъ русской рѣчи, такихъ переливовъ звуковой красочности много въ книгѣ Алексея Ремизова.

